

Science in Context. 2002. Vol. 15. No. 2 (Special issue: Science in Russian Contexts, guest editor A. Kojevnikov, in collaboration with S. Gissis)

Представляемый вниманию читателя том отражает современное состояние исследований, посвященных российской науке, и знакомит с группой

историков, сумевших преодолеть господствовавшую ранее парадигму «репрессированной науки». А. Кожевников пишет в своем вступлении: «Мы

рассматриваем науку и ученых не просто как жертв, но как важных и активных участников советской политической жизни» (с. 179). Авторы полностью отдают себе отчет в том, что взяли на себя смелость интерпретировать советскую науку в терминах социал-конструктивизма. По словам все того же Кожевникова, «для некоторых более знающих коллег этот подход казался слишком похожим на известное положение марксизма о том, что науки, включая абстрактные, являются продуктом общественных отношений. Они правы: обязательный курс марксистской философии, который я прослушал в университете, оказался очень полезным введением в современную англоязычную литературу по социал-конструктивизму» (с. 179-180). Среди задач этого весьма амбициозного проекта — включение российских наработок в общую историю науки и техники, а также демонстрация «досоветских корней» советской науки и создание сравнительной истории советской науки, выходящей за рамки «широких, но примитивных обобщений» (с. 182).

Статьи расположены примерно в хронологическом порядке. Открывающая сборник работа «Литература, музыка и наука в русской культуре XIX в.: князь В. Ф. Одоевский и его поиски натурального энгармонического звукоряда», принадлежащая Д. Баюку, — единственная статья, касающаяся сугубо досоветских времен. Ее автор пытается показать, что искусства, преобладавшие в России XIX в., способствовали пробуждению интереса к естественным наукам и, в конечном итоге, их развитию. Он излагает историю князя Одоевского, который, пытаясь ухватить специфические черты русской народной музыки и объединить в одной музыкальной системе национальную уникальность с научными законами, сконструировал энгармоническое пианино (с девятнадцатью кла-

вишами в октаве). Смело пересекавший междисциплинарные границы, Одоевский явился прототипом ученого-дилетанта, сыгравшего огромную роль в формировании нового научного знания.

В статье «Семена для революции: становление русской сельскохозяйственной науки, 1860-1920» О. Елина переосмысливает вклад государства в развитие научно обоснованных приемов управления сельским хозяйством. В частности, она утверждает, что после Октябрьской революции советское государство просто продолжило поддержку ранее существовавших научных сельскохозяйственных структур, а не создало какие-то новые. Объясняется это тем, что хотя основы научного сельского хозяйства были заложены частными предпринимателями, сложившаяся до революции земская модель соответствовала советской идеологии. Большевики конфисковали помещичьи владения, но предоставили существующим научным учреждениям статус «национального достояния», что позволило им претендовать на государственную поддержку. И хотя Елина упоминает о важности просветительской программы, направленной на распространение сельскохозяйственных знаний и агрономических методов, из ее собственного анализа вытекает, что основным побудительным мотивом для поддержки сельскохозяйственной науки и до, и после Октябрьской революции было повышение продуктивности сельского хозяйства с помощью научной модернизации.

Статья А. Кожевникова «Великая война, русская Гражданская война и Большая наука» является портретом науки, ведущей отсчет от эпохи российского капитализма. Советская наука была уникальным явлением, подобного которому не было ни в одной индустриально развитой стране мира, и все же, как показывает Кожевников, в своем развитии она следовала не-

которым общемировым тенденциям. Моделью для нее послужила централизованная система планирования и управления экономикой, сложившаяся в Германии перед Первой мировой войной, и те же принципы были воспроизведены в России еще до того, как революционное правительство большевиков объявило их атрибутами науки социалистической. В период Гражданской войны большевики поддерживали идею отделения исследовательской работы от преподавания и, несмотря на то, что многие ученые перешли в менее политизированные исследовательские учреждения, начали назначать на университетские должности лояльных им преподавателей. То, что после Второй мировой войны получило в США название «Большой науки», — утверждает Кожевников, — во многих отношениях сравнимо с хронологически более ранней «социалистической наукой», которая, в свою очередь, зародилась еще до большевистской революции.

Статья К. Россиянова «За пределами вида: Илья Иванов и его работы по скрещиванию человека с человекообразными обезьянами» возбуждает в читателе любопытство, однако, судя по всему, доказательств того, что такие эксперименты на самом деле имели место, не существует. Автор демонстрирует, как подобная идея находила оправдание и поддержку не только у большевиков, которые рассматривали дарвинизм в качестве средства антирелигиозной пропаганды, но и в западных странах, владеющих заморскими колониями, и ставит ряд интересных вопросов, имеющих отношение к расовым и колониальным проблемам. Россиянов показывает, что даже простое знакомство с этой историей поднимает этические вопросы: читатель осознает, как трудно с позиций логики обосновать недопустимость подобных экспериментов и не встать на сторону поборников «органицистской» интерпретации общества, — и

в этом, по моему мнению, состоит одно из достоинств статьи.

В статье «Наука после Сталина: создание нового образа советской науки» К. Иванов прослеживает изменения во взаимоотношениях между наукой и ее идеологическим окружением в 1950-1970-х гг. Он пытается показать, как ученые, особенно физики-ядерщики, пытались использовать свое политическое влияние для того, чтобы стабилизировать эти отношения или даже направить их в более выгодное для науки русло. Иванов подчеркивает, что ученые добились успеха на этом поприще не сопротивляясь или оппонировав власти, а подчеркивая свою значимость как «сознательных и лояльных членов советского общества» (с. 318). Изменяя отношения между наукой и промышленностью благодаря подчеркиванию необходимости развития фундаментальных исследований (и при этом тщательно избегая «буржуазного» термина «чистая наука»), советские ученые сумели создать новый образ науки как массовой профессии, которую больше не подготавливали в элитарности: она стала, скорее, частью экономического «базиса». Наконец, Иванов указывает, что практически в то же время наука в США претерпела радикальное идеологическое превращение: концепция «чистой науки» потеряла свою привлекательность, уступив место образу науки, «связанной с обществом и откликающейся на его нужды» (с. 335), — образу, который автор считает «по сути марксистским».

Завершает специальный выпуск работа В. Геровича «Любовь-ненависть к человеку-машинным метафорам в советской физиологии: от Павлова к "физиологической кибернетике"», отражающая взаимодействие кибернетики с другими научными дисциплинами и властными структурами. Сравнивая советские и американские физиологические модели, основанные

на принципе обратной связи, он показывает, что в то время как в СССР такие модели считались несовместимыми с теорией условных рефлексов Павлова, западные кибернетики типа Н. Винера, напротив, считали, что их теории основаны на павловской традиции и полностью с ней совместимы. Советские критики кибернетики игнорировали традицию использования аналогий между человеком и машиной в русской и советской физиологии, равно как и изменения оттенков значения этих метафор, мигрирующих из одной дисциплины в другую. А между тем «технические устройства подражают функциям человеческого тела, в то время как организмы часто описываются в технических терминах, после чего новые машины уже выглядят основанными на "механизмах" функционирования таких технически интерпретированных организмов и т.д.» (с. 367). Герович убедительно по-

казывает, что такой «киберяз» сыграл решающую роль в преобразованиях 1950-х и 1960-х гг. и даже помог некоторым находящимся в опале научным направлениям отстаивать свое право на существование.

Подводя итоги, можно констатировать, что рассмотренный выпуск «Science in context» послужит для англоязычного читателя хорошим источником информации о современном состоянии историко-научных исследований в России. Его авторам удалось сравнить развитие науки в СССР и на Западе, сохранив научную строгость, и представить ряд очень интересных исследований, охватывающих период начиная с досоветских времен и кончая хрущевской оттепелью, избежав при этом господствующей парадигмы «репрессированной науки».

С. Шмид
(перевод с английского
О. П. Белозерова)